

Глава 5 (IV)

Гора Небесного Клена, школа Кленовой горы, Западный пик.

Этот пик, носивший имя Яюэ — Пик Поющей Луны, когда-то служил обителью Тао Юньяо, но ныне превратился в ее темницу.

Склоны Пика Поющей Луны всё так же пестрели разноцветными розами, состязающимися в пышности цветения, а изысканные терема сияли свежими красками, словно время было не властно над ними. Однако само нутро пика давно выдолбили. В отличие от благословенных пещерных чертогов, сокрытых в недрах остальной горы, это место было убогим: грубые каменные стены даже не потрудились обтесать. Здесь не было ни столов, ни стульев, ни постели, даже охапки соломы.

Тао Юньяо томилась в этом заточении уже более двухсот лет. Лишенная совершенствования и с вырванным духовным корнем, она превратилась из небожительницы в обычную смертную. Горькая ирония заключалась в том, что Юэчжэн Куанлань скормил ей пилюлю долголетия, продлив срок ее жизни, но не дал пилюлю вечной юности. Годы неумолимо отпечатывались на ее теле. День за днем бывшая красота увядала, и спустя два столетия от прекрасной девы не осталось и следа.

Черные, как смоль, волосы поредели и пожухли, налившись мертвенной белизной. Некогда фарфоровая кожа, нежная и сияющая, стала землисто-желтой и дряблой. Лицо, которым она так гордилась, теперь бороздили глубокие морщины и старческие пятна. Ясные глаза потускнели, подернувшись мутной пеленой, пальцы огрубели, а зубы пожелтели и начали шататься. Она боялась собственного отражения. Даже не глядя в зеркало, она знала, насколько безобразной и жалкой стала. И всё же она была лишена даже права на смерть: пилюля долголетия поддерживала в ней жизнь без еды и питья, а Юэчжэн Куанлань наложил на темницу заклятье, не позволяющее ей наложить на себя руки.

Она уже и не ведала, когда наступит конец этим мукам.

Каждый раз, видя Тао Юньяо в таком состоянии, Юэчжэн Куанлань ощущал в душе ликование. Эта заносчивая госпожа когда-то презирала внешних учеников, помыкала ими и осыпала ругательствами. В его сердце годами копилась жгучая ненависть. Лишь потому, что она родилась в достатке? Лишь потому, что ее дядя был главой школы, а отец — великим старейшиной?!

У нее был всего лишь посредственный смешанный корень трех стихий! Какое право она имела смотреть на него свысока? Он помнил, как она осыпала его насмешками, когда он пытался добиться ее расположения. Он терпел. Он потакал ей и уступал во всём, лишь бы дождаться сегодняшнего дня. Но самым непростительным было то, что эта женщина заставила его убить А-Нин.

Ради своей цели он вынужден был сдержаться. Только проявив истинную жестокость, можно

было достичь вершины.

— Могла ли фея Тао помыслить, что наступит такой день? — Юэчжэн Куанлань ледяным взглядом окинул старуху, сидевшую у стены.

Тао Юньяо подняла на него мутные, полные ненависти глаза.

— Как же я была слепа... — Прохрипела она сорванным, старческим голосом. Прекрасное пение иволги навсегда осталось в прошлом.

— Как могла великая фея Тао заметить простого внешнего ученика? — Он жестоко улыбнулся.
— Если бы я не бросился тебя спасать, приняв на себя удар ветряного зверя шестого ранга, ты бы хоть раз взглянула на меня?

Она промолчала. Действительно, не случись того спасения, она бы и не посмотрела в его сторону. Тогда он был никем. Но именно с того момента она начала влюбляться — медленно, до безумия, до полной потери рассудка.

Его следующие слова заставили ее кровь заледенеть.

— Признаться, было совсем не просто незаметно смазать одежду феи кровью детеныша ветряного зверя.

Эти слова ударили по ней, словно гром среди ясного неба. Тогда она не понимала, почему обычно мирный зверь внезапно впал в неистовство и напал на нее. Так вот в чем дело! Это Юэчжэн Куанлань убил детеныша и подстроил всё так, чтобы навлечь гнев разъяренного родителя!

— Ха-ха-ха! Какое коварство! — Из глаз ее брызнули слезы. Оказывается, с самого начала это была ловушка. — Юэчжэн Куанлань! Ты превзошел самого себя! Какое же зло я совершила в прошлой жизни, что полюбила тебя! — Она яростно уставилась на него, чеканя каждое слово сквозь зубы: — И А-Нин... за какие грехи она встретила тебя?!

Он прищурился. В одно мгновение он оказался рядом и, схватив ее за горло, приподнял над землей.

— Ты еще смеешь поминать ее?! Если бы не ты, она была бы жива!

Тао Юньяо, задыхаясь, даже не пыталась вырваться. Она лишь смотрела на него в упор, выдавливая слова по одному:

— Я... лишь... дала... тебе... выбор. Убить... её... или... отпустить. Ты... сам... выбрал... убить... её!

В тот год она хотела лишь прогнать А-Нин и поставила условие, не думая, что он действительно поднимет на нее руку. Когда Юэчжэн Куанлань собственноручно убил А-Нин, Тао Юньяо окончательно поверила, что он не питает к той чувств и искренне любит только её. Она пала так низко, доверившись ему, и в итоге оказалась здесь.

Слова Тао Юньяо разожгли в его сердце еще большую ярость. Он не считал себя виноватым. Если бы он тогда позволил А-Нин уйти, Тао Юньяо заподозрила бы неладное и начала бы строить козни. У него не было иного пути, кроме как убить её! Он не ошибался! Это всё вина Тао Юньяо! Только её!

С этой мыслью он еще сильнее сжал пальцы. Лицо пленницы из багрового стало синюшным. Она замерла, не сопротивляясь — смерть была для неё долгожданным избавлением. Но в тот миг, когда жизнь уже готова была покинуть её тело, Юэчжэн Куанлань резко разжал руку. Старуха рухнула на пол, содрогаясь в приступе кашля. Жадные глотки воздуха обжигали легкие, но она не чувствовала облегчения — лишь жгучую обиду.

— Не надейся, я не дам тебе умереть, — холодно бросил он.

Внутри него шевельнулось облегчение — чуть было не сорвался. Если она умрет сейчас, все планы пойдут прахом. Кто тогда станет сосудом для души А-Нин?

С этими словами он покинул пещеру.

Тао Юньяо осталась сидеть на холодном камне, в отчаянии закрыв глаза. Этим мукам не было конца.

Едва Юэчжэн Куанлань покинул Пик Поющей Луны, к нему подбежал ученик с донесением: молодой глава школы Хун желает обсудить важное дело. Он тут же направился к Пику Застывшего Носорога.

Пик Застывшего Носорога был главным пиком школы Кленовой горы. Прежде он назывался Пиком Истинного Неба, но Куанлань переименовал его, едва придя к власти. В самом основании пика скрывался тайный ход, ведущий прямо к месту, где почивала А-Нин.

Когда он прибыл, Хун Ивэнь неторопливо пил чай.

— Ну, как успехи? — нетерпеливо спросил Куанлань.

— Пока закончил проверку призрачных огней, — ровным голосом ответил Хун Ивэнь. — Хоть это и огонь, по природе своей он принадлежит к инь. Десятитысячелетняя серая амбра Черного Дракона способна его сдержать.

— Амбру достать не проблема, — отозвался Юэчжэн. В любой мало-мальски приличной школе найдется пара флаконов.

— Дай мне договорить, — Хун Ивэнь бросил на него косой взгляд. — Это касается обычного пламени. Но призрачные огни, расчищающие путь для самого Супруга Подземного мира — не чета обычным. Тебе нужна десятитысячелетняя серая амбра Черного Дракона.

Для этого Черного Дракона, чье имя значит «Черный», десять тысяч лет — лишь миг. Трудно и представить, сколько должна прожить такая легендарная тварь.

— Хорошо, я найду её! — без колебаний согласился Куанлань. Ему было плевать, через что придется пройти. Единственной целью было вернуть А-Нин к жизни.

Хун Ивэнь посмотрел в его темные, лишенные тепла глаза и промолчал.

Юэчжэн Куанлань помнил, что в поместье Тяньцзун была богатая коллекция Десятитысячелетней серой амбры Черного Дракона, и большая часть амбры на рынке шла именно оттуда. Возможно, искомое сокровище завалилось в их кладовых. Значит, путь лежит в Тяньцзун.

Колесница из пурпурного редчайшего мореного дуба, выстроенная над землей, подобно движущемуся дворцу. Каждая деталь была исполнена с величайшим мастерством: крыша, имитирующая черепичную кладку, была украшена узорами Яцзы, а по бокам тянулась тончайшая резьба. Присмотревшись, можно было разглядеть в переплетении линий фигуру смеющегося однорогого змея, высунувшего язык.

Внутри кареты почти половину пространства занимало ложе — огромная резная кровать с четырьмя столбами. Занавеси из темно-фиолетовой парчи были аккуратно подвязаны. Это ложе не заносили внутрь — оно было вырезано как единое целое с самим корпусом колесницы, словно прорастая из её стен. Столбы, уходящие в потолок, сияли идеальной гладкостью, чтобы не дай бог Лун Юй не занозил руку.

На кровать уложили более тридцати слоев мягчайших перин и одеял. В столбах на равных промежутках зияли резные отверстия, в которые были вставлены жемчужины ночного сияния. У изголовья тянулся ряд встроенных шкафчиков для подушек и личных вещей. Небольшой столик для чаепития крепился к потолку на хитрых растяжках: стоило потянуть за шелковый шнур у столба, как он плавно опускался, а при необходимости так же легко убирался обратно, пряча ножки. Нельзя было не восхититься предусмотрительностью создателя.

Пол был застлан шкурами пурпурно-черных зверей. Традиционных стульев не было, вместо них по периметру располагались невысокие ларцы для одежды, также укрытые мехом. Возле кровати, закрепленный в полу, стоял изящный столик на высокой ножке с набором посуды из

превосходного теплого нефрита. Столик имел два яруса: на нижнем стояли крошечные винные чарки, выполненные из самых разных материалов, среди которых преобладал драгоценный камень.

Стены были усыпаны жемчужинами ночного сияния, а на прикроватной тумбе стоял светильник в форме ликориса. Его чаша была наполнена мельчайшим жемчужным песком — специально ограненными осколками, которые давали ровное, мягкое свечение.

Едва Лун Юй вошел внутрь с малышом Я И на руках, он мгновенно влюбился в это место. Новая колесница оказалась просторнее прежней и куда изысканнее. Узоры на корпусе повторяли родовой герб Лун Юя. Всё — от внешней отделки до последней мелочи внутри — Я И спроектировал лично. Такая забота о деталях говорила лишь об одном: насколько дорог был ему супруг.

— Циньцин, тебе нравится? — детским голоском спросил кроха Я И, заглядывая Лун Юю в лицо.

— Нравится, — Лун Юй склонился и нежно поцеловал его в щеку. — Ты понимаешь меня лучше всех.

Здесь всё до мелочей соответствовало привычкам Лун Юя, даже выбор тканей был безупречен.

— Разумеется, ведь я люблю тебя больше жизни, а значит, и знаю лучше всех, — малыш Я И зажмурился от счастья и потерся лицом о щеку Лун Юя. Ради своего любимого он был готов достать даже звезды с небес.

— Что ж, пора в путь.

Лун Юй уложил его на кровать и выглянул в окно. Снаружи Сяо Хэй уже раздавал указания призрачным стражам, запрягающим подземных зверей. Семьдесят пять могучих тварей выстроились в две колонны. Семьдесят четыре уже стояли в упряжи, заканчивали возиться с вожак — Бугуем. Тот должен был вести процессию и расчищать путь, а потому был заметно крупнее и свирепее остальных.

Когда приготовления завершились, из дворцовых фонарей у входа выпорхнули два синих огонька. Следом из маленьких фонариков под карнизом колесницы один за другим начали вылетать призрачные огни — всего сто десять искр.

Убедившись, что всё готово, Сяо Хэй обернулся и поклонился Цзи Ляню. Тот взмахнул рукой, и в воздух поднялись тысячи бабочек призрачной ночи. Они закружились вокруг колесницы, окутывая её густым туманом темной энергии, похожим на черный дым.

Лун Юй удовлетворенно кивнул.

— Выезжаем.

По его команде Цзи Лянь и призрачные стражи преклонили колени в прощальном поклоне. Сяо Хэй принял облик бабочки, чтобы присоединиться к эскорту, а Цай Ань обернулся резным барельефом на дверях, заступая на стражу покоев Лун Юя.

Двенадцать огромных колес в рост человека одновременно пришли в движение. Пышная процессия торжественно тронулась с места, и в пустоте перед ними начали медленно открываться гигантские врата.

<http://bllate.org/book/17558/1708791>